

РЕАЛИИ БЫТИЯ

Обсуждаем проблему

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

(В связи с выходом книги: *Ж. Тощенко. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.*)

Р.Х. СИМОНЯН

Аннотация

Анализ состояния общества – основная задача социологии. Сегодня эта задача приобретает особую актуальность – исполнилось 25 лет с начала реформ, создавших политэкономический фундамент современного российского общества, на базе которого сформировались остальные его сферы. Переход от директивно-плановой экономики к свободному рынку совершили все социалистические страны – это был объективный исторический процесс, но формы и методы этого перехода определяли реформаторы. Нынешнее состояние России – результат их деятельности. Субъективному фактору процесса российской реформации и ее итогам посвящена монография Ж. Тощенко «Фантомы современной России». Впервые в нашей научной литературе исследование направлено на выявление и классификацию социальных типажей, возникших в результате кардинальных общественных преобразований 1990-х гг. Поднятая в монографии проблема открывает новое направление в исследовании социальной структуры постсоветской России – от абстрактных схем к социально-психологическому анализу кластеров, составляющих возникший в 1990-х годах социальный феномен – постсоветская номенклатура. В контексте монографического исследования субъективного фактора в общественном развитии России в статье рассматриваются вопросы о генезисе постсоветской номенклатуры, о новых тенденциях в ее установках и ориентациях, о необходимости расширения семантического поля терминов, использования метафорической методологии для описания социальных феноменов, возникших в результате деятельности реформаторов.

Ключевые слова: субъективный фактор исторического процесса, случайность и предопределенность, базовые общественные отношения, аномия и аморализм, когнитивная лингвистика.

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра Северо-европейских и Балтийских исследований МГИМО (У), главный научный сотрудник Института экономики РАН.
sim@isras.ru

Цитирование: СИМОНЯН Р.Х. (2017) Сон разума порождает чудовищ (в связи с выходом книги: *Ж.Т. Тощенко. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.*) // Философские науки. 2017. № 5. С. 115–126.

Когда в середине 1980-х гг. в социалистических странах Восточной Европы начались процессы демократизации, то и перед нашей страной открылись возможности совершить мощный рывок в общественном развитии, и, прежде всего, в экономике. При этом у нас были объективные преимущества перед другими странами, входящими в СЭВ. Во-первых, огромный творческий и интеллектуальный потенциал страны. Ведущие советские вузы готовили высококлассных специалистов, многие из которых ныне успешно работают в западных научных центрах и некоторые из них получают Нобелевские премии. Россия обладала многими научными школами, в том числе одной из лучших в мире — математической. Неоспоримо, что главное богатство государства, основное условие и источник модернизации — это его человеческий потенциал. Россия обладала этим капиталом в полной мере. Во-вторых, несмотря на наметившееся отставание от передовых стран, к началу 1990-х гг. СССР обладал развитой производственно-технической базой, которая из 45 макротехнологий, обеспечивающих в мировых экономических сетях производство наукоемкой продукции, в 26 или занимал первые места (космическая и авиационная техника, атомная энергетика, энергетическое, химическое и энергетическое машиностроение, тонкая химическая технология, металлургия сплавов, биохимия, нефтегазовое оборудование, многие виды вооружения) или входил в число лидеров. В-третьих, уникальные природные богатства — самая большая в мире зона черноземов и более 30% разведанных мировых запасов минералов и энергоресурсов при 2,5% мирового населения. В-четвертых, не менее важный ресурс — стремление общества к радикальным переменам, к построению современного демократического государства с эффективной экономикой. Популярность идей, связанных со свободой личности, персональной инициативой, равенства всех перед законом и других демократических ценностей в российском обществе стремительно возрастала. К началу 1990-х годов она охватила большую часть населения, причем, наиболее созидательную ее часть. То есть возникла широкая социальная и психологическая основа для общественной модернизации. Привыкшее к материальным трудностям и имеющее уникальный опыт их преодоления, население великой страны было готово к новым испытаниям для того, чтобы совершить исторический рывок.

К этому следует добавить благоприятные международные условия: мировая, и, прежде всего, европейская общественность после окончания холодной войны смотрела на нашу страну с надеждой на возвращение в лоно развитых демократических стран.

Какие еще дополнительные условия к началу 1990-х гг. нужны были для модернизационного прорыва? Осенью 1991 г. известный публицист Юрий Карякин выразил мнение большинства, когда сказал: «Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России» [Карякин 1991, 2].

Итог проведенных российских реформ, на наш взгляд, состоит в том, что модернизационный прорыв не состоялся. Но более того, наоборот, страна откатилась назад, произошла ее деиндустриализация. Россию ныне опережают уже многие страны «третьего мира». Наша страна пре-

вратилась в «сырьевой придаток» — теперь уже не только Запада, но и Востока.

Почему же в России итоги реформ оказались, по словам академика О. Богомолова, «столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских»? [Богомолов 1998, 9] Как великая страна в мирное время, имея огромные доходы от продажи ценного сырья, в течение 25 лет даже не стояла на месте, но пятилась назад?

Этот вопрос для российского общества является сегодня одним из ключевых. Поиск ответа на него проходит на фоне переживания неудач, нарастающего пессимизма от несостоявшейся общественной модернизации.

В современном российском дискурсе доминирует фатальная предопределенность, обращенная к истокам, связанным с наследием тоталитаризма, крепостного права, Золотой Орды, Византии и далее вглубь веков — до язычества древних славян.

На наш взгляд, стоит искать смысл не в национальном самобичевании — любимом занятии части российской интеллигенции, — а в закономерностях общественного развития, прежде всего, — закона о возрастании роли субъективного фактора в историческом процессе.

Монография Ж. Тощенко «Фантомы российского общества» убедительно иллюстрирует масштаб возрастания этой роли на примере российской реформации. Пафос его книги в обращении к научной общественности: оставьте археологические раскопки, все события 1990-х годов происходили на наших глазах, мы все являемся очевидцами того, кем и как формировалась политэкономическая модель нынешнего общественного уклада России. Демонстрация рукотворности происшедшей драмы и исследование деятельности ее творцов и последователей — задача, которую автор выполнил, опираясь на огромный фактологический материал: поступки и высказывания представителей постсоветской номенклатуры, данные социологических исследований, материалы статистики, официальные документы, биографические данные, материалы СМИ. В фундаментальной монографии содержится более тысячи ссылок на источники.

Любой исторический момент, а уж тем более переломный, имманентен различными сценариями развития. Сюда же относится и фундаментальное положение экономической теории о существовании множества оптимальных решений. Выбор осуществляют люди. «Нас позвали в момент выбора», — подчеркивает Е. Гайдар [Гайдар 1994, 153]. Анализируя выбор Б. Ельцина в начале осени 1991 г., нельзя не вспомнить великого экономиста Дж. Кейнса, который еще в середине прошлого века подчеркнул, что «сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать» [Кейнс 1993, 518]. Еще убедительнее обозначил роль субъективного фактора академик Дм. Лихачев: «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека. Поэтому такие вопросы, как “что нас ждет в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких

законов, которые бы вели нас по строго определенному пути в истории, нет» [Лихачев 1997, 3].

Как же проявилась роль субъективного фактора российской реформации 1990-х? Характеризуя деятельность правительства Гайдара, Р. Гринберг пишет: «Урон страна потерпела сокрушительный и по объему раскраденных национальных богатств, и из-за усиленной примитивизации производства и, главное, по упущенным времени и возможностям необходимых общественных преобразований. Но трагедия 1990-х гг. состоит еще и в том, что адепты “либерально-криминальной экономики” создали невероятные сложности для будущих реальных реформаторов» [Гринберг 2006, 7]. Деятельность реформаторов не была секретом для мирового сообщества. За рубежом создана обширная библиография о реформах 1990-х гг. Американский историк Стивен Коэн писал, «что реформация на самом деле есть процесс разграбления, обнищания, модернизации и дестабилизации России» [Коэн 2001, 11]. Такую точку зрения можно, на наш взгляд, считать противовесом мнению о заслугах реформаторов, которые «спасли Россию от голода», «не допустили распад страны», «предотвратили гражданскую войну», а главное «вернули страну к капитализму».

Ж. Тощенко отмечает, что в России исторический период, совпавший с проведением первых рыночных экономических реформ получил такую распространенную оценку как «лихие девяностые». В связи с этим вспоминается, помимо ордынского нашествия, еще одно собственное имя — начало XVII в. — «смутное время». Смута — это хаос, раздоры, беспорядок. «Лихо» в русском языке имеет более конкретное и более негативное содержание: «зло». В словаре русского языка Ожегова «лиходеи» означает «злодей», «мучитель», а «лихоимец — вымогатель, взяточник». Там же приведен пример: «хлебнуть лиха — узнать сполна горе, беду» [Ожегов 1990, 328].

Ж. Тощенко, пользуясь социологическим инструментарием, подробно анализирует, конкретизирует, и в традициях феноменологии персонифицирует период «лихих девяностых», описывает возникших в этот период персонажей на российской политической арене, и на основе выверенной системы критериев разводит их по кластерам. Классификация социальных типажей, возникших в российском обществе в 1990-е гг. — несомненное достоинство его исследования.

Психологические ориентации и установки реформаторов создали новый общественный этос, который в свою очередь породил новые социальные типы в российской истории. Проблема субъективного фактора российской реформации 1990-х гг. Ж. Тощенко интересует давно. Еще в 1999 г. он дал, на наш взгляд, точный анализ новой постсоветской номенклатуры: «Нами правят — и в политике, и в экономике — не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам деятельности такие понятия, как “клики”, “кланы”, “касты” [Тощенко 1999, 127]. Это были его первые итерации к анализу правящей верхушки в 1990-х гг., которую в журналистском обиходе получила название «элита».

Предложенные тогда Ж. Тощенко термины, хотя и не вписывались в традиционную социологическую лексику, зато точнее и глубже описывают сложившуюся в 1990-х гг. социальную структуру постсоветского правящего класса.

В 1993 г. в Петербурге проходил социологический семинар по проблемам социальной стратификации, где возник вопрос, к какому социальному страту следует относить воров. Петербург, как и большинство городов России, на тот момент захлестнули криминальные группировки. Дискуссия о категориально-понятийном аппарате закончилась выводом, что стыдливые эвфемизмы несовместимы с объективным научным познанием: вор должен быть назван вором.

Тогда же, многие российские писатели, такие как А. Солженицын, Д. Гранин, А. Битов, Л. Улицкая, В. Пелевин, В. Сорокин, О. Славникова, Т. Толстая и др. обратили внимание на неадекватность имеющегося литературного языка для описания 1990-х гг. — «оголтелого срыва крыши у всей страны» [Толстая 2015, 31]. Для познания общества метод искусства не менее эффективен, чем научный метод. Деятели искусства — это те рецепторы, которые первыми чувствуют беду, угрожающую обществу. Художественная интуиция дает им возможность проникнуть в суть общественного явления. «Сейчас в России воцарился культ денег, — характеризует последствия реформ Д. Гранин. — Все у нас на продажу: и чиновники, и судьи, и милиция, и медицина, и поступление в вуз» [Гранин 2004, 5]. Не менее горькая оценка главного редактора «Литературной газеты» Ю. Полякова: «Россия в 1990-х годах оказалась, словно под властью Золотой Орды» [Поляков 2004, 4].

В творческой среде был создан новый дискурс, позволивший глубже проникнуть в суть происходящего. В книге «Великая криминальная революция» кинорежиссер С. Говорухин пишет: «Новая власть, та, что обосновалась в Кремле после декабря 1991 года, совершила невероятное, она превратила страну в лагерь уголовников. С уголовными законами, с уголовной моралью... Под видом класса собственников она создала класс воров» [Говорухин 1993, 35]. В сфере общественного знания Ж. Тощенко первым из социологов ощутил, а в своей новой монографии теоретически обосновал необходимость коренного переструктурирования семантического поля терминов, отражающих социальные феномены постсоветской России.

В чем разрушительная роль этих феноменов? Отмена моральных ограничений при накоплении капитала кардинально изменило общую атмосферу в стране. Академик А. Некипелов, в этой связи предупреждал, что «реформаторы подводят общество к опасной мысли о том, что хороши любые средства, если они способны продвинуть страну к рыночной экономике» [Некипелов 1996, 307]. Опасность заключалась в снятии запретов, в освобождении инстинктов, в процессе криминальной приватизации. Ибо, как писал Дм. Мережковский, «оказывается, что Лицо человеческое вовсе не так прочно держится на человеке, как он предполагал, оно само спадает как маска после маскарада» [Мережковский 1990, 197].

Это происходило на фоне скоропалительного раздела государственной собственности, что привело к созданию в России новых собственников и новых отношений собственности.

Подобная нравственно-политическая ситуация детально описана Ф. Достоевским в романе «Бесы», где гениальный писатель уловил предтечу общественного беспредела, впервые проявившуюся у революционеров-нигилистов. Достоевским была описана социальная бесовщина, показана психология предельно расчетливых и хронически лживых людей, напроочь лишенных совести, сострадания. Герой романа П. Верховенский утверждал: «Преступление не помешательство, а именно здравый смысл и есть, почти долг...» [Достоевский 1980, 102].

Предложенный Достоевским метафорический термин оказался остро сегодня востребованным в исследовании постсоветского общества, ибо задача социолога не только сказать, но и быть услышанным. Ж. Тощенко в своей монографии аргументированно обосновывает использование термина «бесы» как научного понятия [Тощенко 2015, 84]. Актуальность обращения социолога к Достоевскому подчеркивается еще и тем, что в романе показано, как незаметно для самих людей усилиями бесов происходит подмена Знания на Информацию, что позволяет манипулировать людьми посредством масс-медиа, дезориентирующих людей.

Поэтому вовсе не экономические, правовые, демографические и прочие потери, при всей их масштабности были, на наш взгляд, самыми пагубными для страны. Наибольшим оказался морально-психологический урон. Бесовщина — это зло, заключенное в нравственной патологии, возникшей в 1990-е годы, и оказавшей разрушающее воздействие на всю общественную жизнь страны, вызвав аномальные явления как в социальной практике, так и в массовом сознании. Поэтому свое многоплановое исследование российского номенклатурного «паноптикума» Ж. Тощенко начинает с анализа реформаторов — бесов, ибо все остальные «уникальные феномены» являются производными от них. «Появление этих феноменов можно объяснить особенностями слома советского строя, расстройтва социально-экономического организма, разграбления национального богатства (не только материального, но и духовного)» [Тощенко 2015, 9]. В монографии дается определение этого социального типажа: «Главная особенность беса заключается в том, что он попирает все нравственные и правовые нормы общества всеми доступными ему формами и методами во имя корыстных целей» [Тощенко 2015, 85].

Автор называет персонажей, возникшего в 1990-х гг. поименно, сопровождая их подробными характеристиками, дифференцируя по ролям — плутократы, мутанты, лакеи, клоуны, аферисты, манкурты, имитаторы, кукловоды, нарциссы, фальсификаторы, информационные киллеры и т.п., — исполняемым на общественном подиуме. Ж. Тощенко подвергает тщательному анализу публичную часть новой номенклатуры — наиболее опасную для общественной нравственности, так как она задает тон в расширении социальной патологии. В информационном обществе эта опасность становится угрожающей для сохранения морального здоровья общества.

В то же время он подчеркивает целостность этого негативного процесса, возникшего в 1990-х гг., указывая на причинно-следственную связь персонажей новейшей российской истории. При этом в отличие от бесов Достоевского, повязанных кровью — убийство студента Иванова, — нынешние повязаны более широким спектром преступлений — коррупцией, казнокрадством, офшоризацией доходов, рэкетом и пр.

Ж. Тощенко обосновывает вывод, что только в условиях общественной аномии могли появиться фигуры, которые «оказали разрушающее влияние на развитие социально-экономических, политических и духовных процессов, привели к деформации общественного сознания к колоссальным экономическим, геополитическим и имиджевым потерям для России» [Тощенко 2015, 10]. Если государственное телевидение показывает, например, заседание российского парламента, на котором вице-спикер громогласно призывает членов своей фракции прилюдно изнасиловать журналистку, то как же иначе это может влиять на образ нашей страны?

Анализируя происхождение аморализма молодых российских реформаторов, Ж. Тощенко акцентирует внимание на «кремлевской вседозволенности» детей советской партийной номенклатуры. И отвечая на вопрос, почему эти дети став взрослыми, превращаются в «наиболее яростных критиков» своей страны, приходит к выводу: «Нет более антисоветски настроенных, нет более проклинаящих советское время людей, нежели наша развращенная вседозволенностью позднесоветская партийная, дипломатическая и чекистская, генеральская и комсомольская номенклатура» [Тощенко 2015, 149].

В монографии прослеживается влияние идеологической мутации — от коммунистических ценностей к антикоммунистическим — на психику людей. Общественные науки в советское время были партийными, а все члены гайдаровской команды были комсомольскими активистами, затем, несмотря на свою молодость, успели вступить в КПСС. Сам же Е. Гайдар руководил отделами экономической политики сначала главного теоретического журнала партии — «Коммунист», а затем газеты «Правда», т.е. выполняемыми обязанностями был связан с двумя самыми важными идеологическими органами ЦК КПСС. Спустя два года Гайдар становится яростным противником коммунистической идеологии.

Анализируя эти причудливые социально-ролевые кульбиты как источники ущербной морали, американский писатель Д. Сэттер, более 15 лет проживший в России, делает аналогичный вывод: «Большинство этих “молодых реформаторов” в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать “построению коммунизма”. Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще» [Сэттер 2004, 47].

В одном из своих последних телеинтервью (в марте 2009 года В. Познеру), Гайдар с горечью признался, что знает о ненависти к себе большинства населения России. Жить под таким прессом в своей стране — тяжелое испытание. В еще более двусмысленной ситуации пребывают сегодня клеветы и адепты реформаторов. Вот свидетельство директора по гуманитарным проектам «РОСНАНО», президента «Союза правых сил» Л. Гозмана: «Я никогда не скрывал, а, наоборот, с гордостью говорил о своей принадлежности к команде Гайдара. А это самые ненавидимые люди в нашей стране» [Гозман 2015, 6]. Ж. Тощенко так определяет главных «героев реформ» — Гайдара и Ельцина: породив колоссальное возмущение и принеся огромные потрясения для общества, они прекращают свое существование, не создав ничего позитивного, творческого, надежного» [Тощенко 2015, 12].

Игнорирование средств ради цели указывает на сходство идейных большевиков («нравственно все, что ведет к победе коммунизма») и «либералов» («нравственно все, что ведет к победе рынка»). Просто в первом случае, замечает Р. Гринберг, в России победил радикализм левого толка, а во втором — правого [Гринберг 2010, 6]. Если в первом случае экспроприировали частную собственность ради создания государственной, то во втором — экспроприировали государственную ради создания частной.

В связи с судебными преследованиями М. Ходорковского в обществе возник естественный вопрос: если российским олигархам была роздана государственная собственность в рамках созданной в 1990-х гг. законодательной системы, то почему претензии только к М. Ходорковскому, а не к правительству РФ, не к Госкомимуществу РФ, не к государственным налоговым и надзорным органам, и, в первую очередь, персонально не к Е. Гайдару, А. Чубайсу и А. Коху?

Если высокопоставленный чиновник — государственное лицо! — продает по заведомо заниженной стоимости покупателю — частному лицу! — государственное предприятие с целью извлечения личного дохода, то вопрос «чья ответственность выше?» — риторический. Разумеется, у государственного чиновника она несопоставимо выше.

Возникшая в обществе после криминальной приватизации правовая аномия проиллюстрирована Ж. Тощенко многочисленными примерами безнаказанности высокопоставленных государственных чиновников, которые можно нескончаемо дополнять. Так, министр юстиции РФ В. Ковалев за хищение имущества и неоднократные взятки в особо крупных размерах был осужден в 2001 г. к 9 годам лишения свободы. Условно. Министр атомной промышленности РФ Е. Адамов отсидел 8 месяцев в швейцарской тюрьме за хищение 9 млн долл., которые американцы выделили на ремонт российских АЭС. По требованию России Адамов был экстрадирован на родину, где была установлена его вина в хищении уже 30 млн долл. и мошенничестве в особо крупных размерах, за что он получил 6,5 лет. Также условно.

К концу 1990-х гг. разложение государственного аппарата приняло, характер национального предательства. Примеры, которые приводит в

своей книге Ж. Тощенко, кажутся слишком литературными, чрезмерно сатирическими, но это возникшая после реформ российской обыденность. Можно добавить к этому массовое явление, получившее в журналистском обиходе название «пехтинг».

В. Пехтин, заслуженный работник РАО «ЕЭС России», награжденный Почетной грамотой Совета Федерации, благодарностями от министра МВД РФ, директора ФСБ РФ, наградным пистолетом от министра юстиции, десятью медалями, четырьмя орденами, в том числе двумя «За заслуги перед Отечеством», депутат Госдумы РФ четырех последних созывов, вице-спикер, один из руководителей правящей партии, председатель Комитета Думы *по этике*, в декларации о своей недвижимости скрыл принадлежащее ему поместье в штате Флорида с виллой в Майами-Бич, общей стоимостью 2,8 млн долл. Когда в феврале 2013 г. это стало достоянием общественности, Пехтин несколько дней изображал праведный гнев за «ложные обвинения». А когда понял, что отпираться бесполезно, не стал продавать обнаруженную собственность, как это требовалось по закону, и продолжать служение России, а тотчас же отказался и от высокой миссии, и от России.

В монографии Ж. Тощенко содержится глубокий и подробный анализ, как причудливых явлений постсоветского периода, так и их акторов, классификация которых составляет основной замысел проведенного фундаментального исследования. Но достоинства монографии этим не ограничиваются. Заслуга автора еще и в том, что он впервые обобщал и ввел в научный оборот понятия, адекватно отражающие суть представителей постсоветской номенклатуры, расширил и обогатил категориально-понятийный аппарат социологии. «Поскольку в научной лексике соответствующие определения тому или иному феномену можно найти далеко не всегда, автор счел возможным прибегнуть к метафорам... Пользуясь богатством русского языка, автор придал используемым им образам определенный социальный смысл (например, бесы, мутанты, позы, шуты и т.д.)» [Тощенко 2015, 11].

Метафоры, как и научные понятия, отражают действительность. Аналогия, лежащая в их основе, составляет процедуру всякого объяснения, в чем собственно и состоит дефинитивная суть термина. Описывая реальность, метафора концентрирует внимание на сути явления, приближает к постижению окружающего мира. В основе методологического мышления лежит убежденность в том, что «в своих глубинах наука едина, и это представление о единстве науки связано с представлением о единстве, целостности и взаимосвязанности всего в мире. Раскрыть эту связь помогает метафора — ключ, открывающий почти все потаенные двери сознания и, в то же время... «мостик», позволяющий перешагнуть через узкую специализацию научной дисциплины» [Лагута 2003, 32].

Методологическая роль художественного восприятия реальности высоко оценивается в познании мира. Многие ученые подчеркивают роль образно-эстетических переживаний в процессе совершения научных открытий и построения теорий. Создатель когнитивной теории метафоры Э. МакКормак определяет «научную метафору как познавательный

процесс, необходимый для передачи новизны знания» [МакКормак 1990, 362].

Разум в сочетании с воображением производит как творения искусства, так и научные открытия. При этом следует подчеркнуть, что воображению отводится методологическая роль, в которой метафора — это способ познания. Как окружающая нас социальная среда, так и теории ее объясняющие — продукт разума, а не воображения. Но если разум отсутствует, то чудовища (фантомы) появляются не только в воображении, но и в реальности.

Ж. Тощенко теоретически обосновал необходимость использования художественных средств в качестве инструмента познания общества. В его монографии российские реформаторы и порожденные их реформами социальные типы систематизированы с использованием метафорических категорий. Новая книга Ж. Тощенко расширяет горизонты теоретических представлений о сущности и содержании общественного сознания, обогащает наше знание о механизмах его превращения в реальную социальную силу, открывает новые возможности по объяснению противоречий общественного развития России в переходной период.

ИСТОЧНИКИ

Богомолов 1998 — *Богомолов О.* Реформы в зеркале международных сравнений. — М.: Экономика, 1998.

Гайдар 1994 — *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. — М.: Альпина, 1994.

Гозман 2015. — *Гозман Л.* Интервью // Московский комсомолец, 25.12.2015. С. 5–6.

Говорухин 1993 — *Говорухин С.* Великая криминальная революция. — М.: Андреевский флаг, 1993.

Гранин 2004 — *Гранин Д.* Интервью // Аргументы и факты. 2004. № 46. С. 3–4.

Гринберг 2006 — *Гринберг Р.С.* Россия: экономический успех без развития и демократии // Россия и современный мирю 2006. № 1. С. 9–17.

Гринберг 2010 — *Гринберг Р.С.* Слово к читателю // Мир перемены 2010. № 1. С. 4–7.

Достоевский 1980 — *Достоевский Ф.М.* Бесы. — М.: Художественная литература. 1980.

Карякин 1991 — *Карякин Ю.* В ожидании перемен // Московские новости. 1991. № 26. С. 2–3.

Кейнс 1993 — *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. — М.: Экономика, 1993.

Козн 2001 — *Козн С.* Провал Крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. — М.: АИРО-XX, 2001.

Лагута 2003 — *Лагута О.Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Часть 1. — Новосибирск, 2003.

Лихачев 2007 — *Лихачев Д.* Совесть — гарантия свободы // Время жить вместе. № 1. 2007. С. 3–7.

МакКормак 1990. — *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.

Мережковский 1990 — *Мережковский Д.* Избр. произв. В 4 т. Т. 1. — М.: Правда, 1990.

Некипелов 1996 – *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М.: – ИМЭПИ РАН, 1996.

Ожегов 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд. – М.: Русский язык, 1990.

Поляков 2004 – *Поляков Ю.* Интервью // Комсомольская правда. 10.03.2004. С. 4–5.

Сэттер 2004 – *Сэттер Д.* Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. – М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004.

Толстая 2015 – *Толстая Т.* Русский человек – опасный // Огонек. 2015. № 47. С. 29–32.

Тощенко 1999 – *Тощенко Ж.Т.* Элиты? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 124–134.

Тощенко 2015 – *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015.

THE DREAM OF MIND BREEDS MONSTERS
(in connection with the publication of Zh. Toshchenko's book
***Phantoms of Russian Society*)**

R.H. SIMONYAN

Summary

Analysis of the state of society is the main task of sociology. Today this task acquires a special urgency - the country enters the eve of the 25th anniversary of reforms that created the political and economic foundation of modern Russian society, on the basis of which the rest of its spheres were formed. The transition from a directive-planned economy to a free market was carried out by all socialist countries – this was an objective historical process, but the forms and methods of this transition were determined by the reformers. The current state of Russia is the result of their activities. The subjective factor of the process of the Russian Reformation and its results form the subject of the monograph by Zh.Tochenko *Phantoms of Modern Russia*. For the first time in our scientific literature, the research is aimed at identifying and classifying social types that arose as a result of the cardinal social transformations of the 1990s. The problem raised in the monograph opens a new direction in the study of the social structure of post-Soviet Russia – from abstract schemes to socio-psychological analysis of clusters that constitute the social phenomenon emerged in the 1990s, the post-Soviet nomenclature. In the context of a monographic study of the subjective factor in Russia's social development, the article discusses the genesis of the post-Soviet nomenclature, new trends in its attitudes and orientations, the need to expand the semantic field of terms, and the use of metaphorical methodology for describing social phenomena that have arisen as a result of reformers' activities.

Keywords: subjective factor of the historical process, randomness and predetermination, basic social relations, anomie and immorality, cognitive linguistics.

Simonyan, Renald – D.Sc. in Sociology, Leading Research Fellow at the Center for the North European and Baltic Studies of MGIMO University, Main Research Fellow at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

sim@isras.ru

Citation: SIMONYAN R.H. (2017) The Dream of Mind Breeds Monsters (in connection with the publication of Zh. Toshchenko's book *Phantoms of Russian Society*). In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 5, pp. 115-126.

REFERENCES

- Bogomolov O. (1998) *Reforms in the Mirror of International Comparisons*. Economics, Moscow (in Russian).
- Cohen S. (2001) *Failure of the Crusade. The United States and the Tragedy of Post-Communist Russia*. Airo-XX, Moscow.
- Gaidar E. (1994) *State and Evolution*. Alpine, Moscow (in Russian).
- Gozman L. (2015) Interview. In: *Moskovsky Komsomolets*. 25.12.2015, pp. 5-6 (in Russian).
- Govorukhin S. (1993) *The Great Criminal Revolution*. Andreevsky Banner, Moscow (in Russian).
- Granin D. (2004). Interview. In: *Arguments and Facts*. 2004. Iss. 46, pp. 3-4 (in Russian).
- Grinberg R. (2006). 'Russia: Economic Success without Development and Democracy'. In: *Russia and the Modern World*. 2006. Vol. 1, pp. 9-17 (in Russian).
- Grinberg R. (2010) 'A Word to the Reader'. In: *The World of Changes*. 2010. Vol. 1, pp. 4-7 (in Russian).
- Dostoevsky F. (1980). *The Demons*. Fiction, Moscow (in Russian).
- Karyakin Y. (1991). 'In Anticipation of Change'. In: *Moscow News*. 1991. Iss. 26, pp. 2-3 (in Russian).
- Keynes J. (1993) *Selected Works*. Economics, Moscow.
- Laguta O. (2003) *Metaphorology: Theoretical Aspects*. Part 1. Novosibirsk (in Russian).
- Likhachev D. (2007) *Conscience is the Guarantee of Freedom*. In: *Time to Live Together*. 2007. Vol. 1, pp. 3-7 (in Russian).
- McCormack E. (1990). 'Cognitive Theory of Metaphor' (Russian Translation in: N.D. Arutunova, M.A. Zhurinskaya (eds.). *Theory of metaphor*. Progress, Moscow, 1990, pp. 358-386).
- Merezhkovsky D. (1990). *Selected Works in 4 volumes*. Vol. 1. Truth, Moscow (in Russian).
- Nekipelov A. (1996). *Essays on the Economics of Post-Communism*. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).
- Ozhegov S. (1990) *Dictionary of the Russian Language*. 23rd ed. Russian Language, Moscow (in Russian).
- Polyakov Y. (2004) Interview. In: *Komsomolskaya Pravda*. 10.03.2004, pp. 4-5 (in Russian).
- Satter D. (2003) *Darkness at Dawn. The Rise of the Russian Criminal State*. Yale University Press, New Haven (Russian Translation: United Humanitarian Publishing House, Moscow, 2004).
- Tolstaya T. (2015) Russian man – dangerous. In: *Fire*. 2015. Vol. 47, pp. 29-32 (in Russian).
- Toshchenko Zh. (1999) 'Elites? Clans? Caste? Clicks? How to Name Those Who Rule Us?' in: *Sociological research*. 1999. Vol. 11, pp. 124-134 (in Russian).
- Toshchenko Zh. (2015) *Phantoms of Russian society*. Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow (in Russian).